

ПОЭТИКА ГРАНИЦЫ В ЛИРИКЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ**Яночкина П.И.,****научный руководитель д-р филол. наук Говорухина Ю. А.*****Сибирский федеральный университет***

Марина Ивановна Цветаева (1892-1941), пожалуй, была одним из самых самобытных поэтов своего времени, интерес к личности и наследию поэта не угасает и по сей день. С произведениями Марины Ивановны неразрывно связан феномен пограничности, абсолютности чувств, эмоций, интонаций. Это было отмечено некоторыми исследователями её творчества и критиками. Так, например, критик М.Л. Слоним в своей рецензии на сборник «После России» писал: «Есть в ней своеобразный максимализм, который иные назовут романтическим. Да, пожалуй, это романтизм, если этим именем назвать стремление к пределу крайнему и ненависти к искусственным ограничениям – чувств, идей, страстей». «<...> всем организмом, всем своим человеческим естеством она тянулась прочь от земных измерений в мир (или миры) – иные, о существовании которых знала непреложно <...> Что всё это было? Вероятно, прежде всего – страдание живого существа, лишённого *своей стихии* <...> Разумеется, страдание не было единственным чувством: цветаевских чувств и страстей, её феноменальной энергии хватило бы на многих и многих. Однако трагизм мироощущения поэта идёт именно от этих не поддающихся рассудку мук»¹. «<...> нельзя не почувствовать, из какой глубочайшей болевой глубины исходили её поэтические гиперболы, метафоры и образы. Между тем суждения о нарочитости, преувеличенности, накрутке цветаевских реакций звучали и, наверное, будут звучать всегда <...>»². Однако отдельных работ, монографий, непосредственно посвящённых теме пограничности в лирике Цветаевой, нет.

Целью нашего исследования является осмысление художественной реализации пограничности на разных уровнях структуры текстов Цветаевой.

Первый, самый очевидный план поэтического текста, который строится на образном воплощении границы/пограничности, – план лирической героини и лирического сюжета. Рассмотрим его на примере стихотворения «Молитва». Дата его написания – 26 сентября 1909 года – сама по себе погранична. Это день рождения поэта, день семнадцатилетия, время переосмысления прошлого и одновременно взгляд в будущее. В последнем – суть сюжетной ситуации. Лирическая героиня благодарит Бога за детство, которое «лучше сказки», и молит о безумной будущей жизни, о «чуде». В самой семантике слова «молитва» обнаруживается значение сокращения расстояния, преодоления границы мира повседневного, профанного, временного существования в ситуации пограничности. Это значение напрямую связано с идеей стихотворения, на наш взгляд, оно также фиксирует основной принцип создания его формы, который обнаруживается на уровне ритма, мелодики, синтаксиса, эвфонии.

Лирическая героиня «Молитвы», юная, пылкая, жаждет жизни иной, а пока «Вся жизнь как книга» для неё. Образ жизни как книги является одним из ключевых в стихотворении, лирическая героиня будто бы уже знает о «сюжете» своей жизни, книга здесь – разгаданный источник знаний о будущем существовании; она открыта и перечитана уже множество раз. Потому лирическая героиня и обращается к Богу:

¹ Саакянц А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. – М.: Эллис Лак, 1999. С. 401.

² Кудрова И. Версты, дали...: Марина Цветаева: 1922-1939. – М.: Сов. Россия, 1991. С. 82-83.

«Христос и Бог! Я жажду чуда...». Семантика слов «жаждать», «чудо» содержит значения абсолютности, предельности, пограничности. Эмоционально лирическая героиня на грани, все её чувства на пределе, или на границе. Они тождественны по своему качеству с мольбой героини: выйти за границы обыденной жизни («Я жажду сразу – всех дорог!»).

В основе сюжета стихотворения «В раю» лежит ситуация расставания. Уже первая строка задаёт высокий уровень эмоционального напряжения лирической героини. Здесь реализуется метафора «груз воспоминаний»: «Воспоминанье слишком давит плечи». «Слишком», «жаждать», «всех дорог», «всего хочу», «За всех страдать», «безумье», «чудо» – типично цветаевский ряд слов со значением «сверх», максимальной степени эмоции. Память о былом не даёт покоя лирической героине настолько, что даже в раю она чувствовала бы себя отчуждённо, беспокойно.

Важно заметить, что сюжеты не строятся как движение от покоя (действительного или мнимого) к высшей точке эмоционального напряжения. Уже с первых строк граница (не)возможного перейдена.

В «Молитве» оппозиция Я – другие выражена имплицитно, на уровне подразумеваемого отказа проживать известные сюжеты. В третьей строфе возникает образ цыгана, символизирующий кочевой, свободный образ жизни, преодоление географических и даже моральных границ; возникает образ органа, величественное звучание которого способно преодолеть границы реального мира и вознестись к небесам; возникает образ страдальца, в котором угадывается Христос; возникает образ амазонки, символизирующий воинственность, опасность, нарушение этических границ. Лирической героине хочется «Гадать по звёздам в чёрной башне». Сам акт гадания есть попытка выхода за границы умопостижимого, попытка заглянуть в мистический, запредельный мир, а чёрная башня – пространство таинственное, может быть, опасное, устрашающее, за границами пространства повседневной жизни. Таким образом, выстраивается образный ряд со значениями опасности и пограничности. Строки «Чтоб был легендой – день вчерашний, / Чтоб был безумьем – каждый день» – своеобразный итог, обобщение, формула желаемой жизни. Жизни на грани жизни и смерти, и даже более того – на грани запредельного и невозможного.

В стихотворении «В раю» образный ряд рая (ангелы, летающие стройно, арфы, лилии, детский хор) со значением невинности, смирения, безмятежности, гармонии, наоборот, контрастирует с неуспокоенной душой лирической героини, чуждающейся «видений райских». Однако в обоих случаях они «работают» на усиление отчуждения (отчуждение, заметим, предполагает границу и её пересечение).

Композиция множества стихотворений Цветаевой рамочная. Границы рамки, границы частей внутри рамки совпадают с пространственными, временными границами, которые преодолевает героиня, как правило, в своём воображении. В стихотворении «Молитва» в обрамляющих строфах (первая и пятая) выражено желание смерти; внутрирамочный текст делится на две части: непосредственное обращение к Богу (вторая строфа) и представление о желаемой жизни (третья и четвёртая строфы). Эта граница проявляется и на уровне эвфонии. Схема гласных звуков, находящихся в сильной позиции, имеет следующий вид:

о оа у
э а аа
а э у
ы и а а

у ы ао
и ооо

ао и о

а а э о

Заметно количественное превосходство звуков [а] и [о]. Первый обозначим как звукообраз «Я» лирической героини (он появляется в словах, обозначающих действия, совершаемые лирической героиней: «жажду», «дай»; либо указывают на её жизнь: «сейчас», «в начале дня»; либо являются личным местоимениями: «я», «для меня»). Звук [о] является звукообразом Бога: «строго», «ещё не кончен срок», «подал», «много», «дорог». Сталкивание в пределах двух строк, как мы увидели, разнокачественных по семантике звуков обнаруживает художественный конфликт – противоборство предназначенности (а по сути, предназначенность и есть некие границы, за пределы которых человеку не суждено выйти) и жажды свободы, преодоления границ написанного «сюжета».

В стихотворении «В раю» рамочные строфы – земное существование лирической героини, с её переживаниями здесь и сейчас; вторая и третья строфы – образ рая. Находясь, таким образом, в одной точке, лирическая героиня обоих стихотворений совершает как бы «путешествие», преодолевая границы реального.

Лирическая героиня и в первом, и во втором стихотворении приходит к парадоксальным выводам: «И дай мне смерть – в семнадцать лет!» («Молитва»); «Ни здесь, ни там, – нигде не надо встречи, / И не для встреч проснёмся мы в раю!» («В раю»). Парадоксальны они только на первый взгляд, в обоих случаях, возможно, реализован приём, который в творчестве Цветаевой встречается довольно часто, – несоответствие подразумеваемого и словесной оболочки. Моля Бога о смерти в «Молитве», лирическая героиня желает всё же не смерти, но жизни на грани смерти (а точнее – на грани запредельного и невозможного). «„Молитва“ – это как бы расправление крыльев. Скрытое обещание жить и творить»³. Обилие отрицательных частиц в заключительных строках стихотворения «В раю» («Ни здесь», «ни там», «нигде» «не надо», «не для встреч») наталкивает на мысль, обратную сказанному в стихотворении: встреча желаемая, но она невозможна. Эти парадоксы, на наш взгляд, тоже своего рода граница – суждение, располагающееся на границе умопостигаемого.

На знаки границы, пограничности, на ситуации перехода границ «реагирует» в структуре текстов Цветаевой план ритма. Покажем это. Особенно показательна она в «Молитве»:

— — — — —
— — — — —
— — — — —
— — — — —

— — — — —
— — — — —
— — — — —
— — — — —

— — — — —
— — — — —
— — — — —
— — — — —

— — — — —

³ Саакянц А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. – М.: Эллис Лак, 1999. С. 16

u u u — u — u —
 u u u — u — u — u
 u u u — u — u —

 u u u — u — u — u
 u u u — u — u —
 u u u — u — u — u
 u — u — u — u —

Видимая граница в ритмической схеме между 2 и 3 строфами совпадает с моментом перехода от ситуации диалога/обращения к Богу к уходу в себя, в желаемые миры на уровне сюжета. Постоянство пиррихий в первой стопе каждого стиха (10 раз) ритмически скрепляет ситуацию мечты в единое целое. Повторное обращение к Богу, а стало быть, возвращение к ситуации прямого обращения ликвидирует пиррихий. Мольба-мечта о жизни сменяется мольбой о смерти, в которой смерть – не столько оппозиция, сколько крайняя форма желаемой запредельной жизни.

Ритмическая граница здесь определяется и при вычислении коэффициента ритмического диссонанса (А. Белый). Коэффициент всего стихотворения равен 0,8. Коэффициенты строф последовательно равны: 0,75; 0,56; 0,5; 0; 2,47. Коэффициенты строк последней строфы равны: 0; 0; 0; 9,9. Мы фиксируем резкое повышение коэффициента именно последней строки, как видим, она особым образом ритмически и мелодически акцентирована.

В стихотворении «В раю» пиррихий в начале строк также создаёт единство описываемого ощущения отчуждения от райского пространства.

u u u — u — u — u — u
 u u u — u — u u u —
 u — u — u — u — u — u
 u u u — u — u u u —

Предпоследний стих выделяется из общего рисунка: исчезает пиррихий, нарушается ритмическая инерция. Именно в этой строке звучат парадоксальные, противоречащие описанным выше эмоциям слова: «Ни здесь, ни там, – нигде не надо встречи». Сдвиг ритмический и эмоциональный совпадают, а неестественность сдвига (нарушение инерции) ритмического создают ощущение неестественности (неправдивости) озвученного отказа от любви.

Событие, по Ю.Лотману, – это переход границы семантического поля. В стихотворении «Молитва» таких границ две: от прямого обращения к Богу к себе и в финале опять к Богу; от мольбы о смерти к мольбе о жизни, в финале опять о смерти. В стихотворении «В раю» – также две: от земного существования здесь и сейчас к представлению о нахождении в раю в будущем; от желания встречи к отречению от неё. Каждый сюжетный переход границы оказывается, как показал анализ текста, отмечен на всех других уровнях структуры текста.